

Лавров И.В.

Челябинский филиал Уральского государственного экономического университета

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ ФОРМИРОВАНИЯ БОГАТСТВА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Институциональные матрицы формируют богатство общества и человека благодаря экономическому разуму и менталитету поколений. Субсидиарность и соборность разделяют западноевропейский и евразийский (восточный) менталитет на два социокультурных типа: католический и православный. Субсидиарная или соборная матрица через стили жизни, акме и менталитет поколений структурирует «хороший» или «плохой» гештальт богатства.

Классический идеал научной рациональности способствует объяснению процесса познания как активности субъекта в рамках логической оппозиции категорий «явление – сущность». Процесс познания закономерно идет от явления к сущности первого порядка, от сущности первого порядка к сущности второго и т. д., пока субъект не откроет субстанцию исследуемых объектов. Субстанция и есть сущность наивысшего порядка исследуемых явлений, их первопричина и *causa sui*. «Явление», «сущность», «субстанция» – категории классической гносеологии, их взаимосвязи выражаются в логической формуле: «явление существенно, а сущность является». Понятие сущности есть вопрос о наполнении явлений излучением их единства и общей основы.

Механизм связей мира явлений, например, в гегелевской логике называется рефлексией. Для научного мышления рефлексия явлений есть их сущность; по Гегелю, рефлексия обозначает взаимное свечение одного (основы) в другом (обоснованном), поэтому их связи можно назвать отражением. Результатом взаимного отражения являются устойчивые, всеобщие связи системы, в которой структурируется взаимодействие элементов единичного, особенного и общего в процессы развития. Развитие в данном случае следует понимать как движение от простого к сложному, от низшего к высшему. Подобная результативная система существует как тотальность (*die Totalität*). Система в качестве результата взаимодействия является фрагментом реальности, действительностью (*die Wirklichkeit*), которая покоится на идее персонализированного процесса и развертывается в тотальность духовно-экспрессивного типа. В «Науке логике» Гегель пишет, что «для видимости, вошедшей в себя и тем самым отчужденной от своей непосредственности, мы имеем иностранное слово «рефлексия» [1. С. 18].

В философской логике Гегеля сознание, рассудок и разум человека рефлексивны в той мере, в которой при их субъективном употреблении копируется некоторый единый принцип развития культуры – «выхождение за пределы непосредственного к общему» и, далее, взаимный переход от явления к сущности и от сущности к понятию [1. С. 24]. В социально-экономическом исследовании рефлексия является понятием, при помощи которого обозначается процесс взаимного воспроизведения всей совокупности факторов системы по принципу отражения. От обычных связей сосуществования факторов, их координации или субординации, а также каузальной зависимости рефлексивная связь отличается тем, что она лежит в основе всех процессов обучения, протекающих в рамках социально-экономических систем.

Усовершенствование методологического аппарата экономических исследований в настоящее время выражается в широчайшем применении экспертных методов теории систем; они усиливают возможности системного анализа и связанного с ним понимания и преобразования реальности. Одними из них являются так называемые морфологические методы. Понятие морфологии в медицине, биологии, лингвистике и истории указывает на область исследований внутренней структуры живых, языковых или культурно-исторических систем; морфема есть их внутренняя форма.

На наш взгляд, возможны два способа концептуализации понятия «внутренняя форма» – математический и культурно-исторический. Особенность морфологического подхода в математике заключается в том, что он основан на комбинаторике. Его основная идея заключается в систематическом нахождении наибольшего числа возможных вариантов решений поставленной проблемы или реализации системы путем комбинирования выделенных исследова-

телем основных элементов системы или их признаков. Отправными точками морфологического подхода считаются:

- равный интерес ко всем объектам морфологического моделирования;
- ликвидация всех ограничений и оценок до тех пор, пока не будет получена полная структура исследуемой области;
- максимально точная формулировка поставленной проблемы.

Кроме этих общих положений в теории систем предложены некоторые способы морфологического моделирования: метод систематического покрытия поля; метод отрицания и конструирования; метод морфологического ящика; метод экстремальных ситуаций; метод сопоставления совершенного с дефектным; метод обобщения. Все названные методы в той или иной степени находят свое применение в науке.

Основу культурно-исторического подхода в морфологии образуют методы моделирования и анализа внутренней формы (морфемы) живых организмов, объектов истории и культуры. Освальд Шпенглер в «Закате Европы» описывает средства (ступени, этапы) приближения к тайнам живых явлений природы, которые были разработаны в свое время Гете: вживание (1-я ступень); созерцание (2-я ступень); сравнение (3-я ступень); непосредственная внутренняя уверенность (4-я ступень); точная чувственная фантазия (5-я ступень). Отсюда Шпенглер умозаключает, что таковы средства исторического исследования вообще [2. С. 156].

Метод «точной чувственной фантазии» позволяет исследователю в каждом отдельном, возможно, и случайном гештальте жизни или истории увидеть первофеномен, то есть то, в чем идея становления вида, популяции, совокупности исторических событий, включая их развитие в пространстве и во времени, выражена в наиболее чистом виде [2. С. 263]. Доминируют в истории и в природе не законы, а гештальты, то есть целостные динамические инварианты и системы, обладающие индивидуальной внутренней формой. Закон природы или закон истории – это форма существенных связей между «атомарными» событиями, вещами и фактами. Натуралисту и особенно историку должно с позиций системности и целостности «морфологически взвешивать» вещи, события, факты, а не сводить их взаимосвязи к каузальным, функциональным, пространственно-временным и прочим зависимостям [2. С. 167].

Понятие гештальта широко применяется в науках о человеке, обществе и природе. Так, синонимы гештальта в физике – это понятие поля, которое обозначает динамическую целостность в противоположность стохастическому агрегату атомов и молекул, например в теории электромагнитного поля Дж. Максвелла, и понятие кванта в теории М. Планка. В современной психологии существует целое направление, называемое гештальтпсихологией. В исследованиях основателей гештальтпсихологии М. Вертгеймера, В. Келера, К. Коффки (первая половина XX века) сначала в Европе, затем в США сложились основные постулаты школы, которые впоследствии были доказаны разнообразными экспериментами.

Главный постулат гештальтистов гласил, что первичными данными психологии являются целостные структуры (гештальты), в принципе не выводимые из образующих их компонентов. Гештальтам присущи собственные характеристики и законы. Свойства частей определяются структурой, в которую они входят (в гештальте). Однако мысль о том, что целое больше образующих его частей, является очень древней [3. С. 345-357]. Такой целостный инвариант возникает как исторический результат развития общества и человека. Именно в исследованиях психологов нашла свое подтверждение идея Гегеля о значении надындивидуальных исторических образований, складывающихся спонтанно в «пересечении онтогенеза» множества индивидуальных сознаний. В «Феноменологии духа» исторические тела сознания называются им гештальтами (от немецкого «Gestalt» – форма, структура) [4. С. 145-146].

Формирование методологии гештальтпсихологии по времени совпадает с образованием другого влиятельного направления в психологии – бихевиоризма (от англ. behavior – поведение). Бихевиористы (Э. Торндайк, Дж. Уотсон, К. Лешли и др.) пытались найти свой путь вывода научной психологии из кризиса начала XX века. На этом пути они отказались от учета фактов сознания и фактов физиологии человека в объяснении его субъективной реальности, затем иначе по сравнению с гештальтпсихологами решили проблему соотношения целого и частей; бихевиористы рассматривали целое как сумму частей, поэтому сложные психические реакции сводили к сумме элементарных. Бихевиористская концепция «проб и ошибок» отвергла понимание в качестве функции зрительно-

го поля и образно-ориентировочной основы человеческого действия, так как действие первично и регулируется формулой «стимул – реакция». Влияние методологии бихевиоризма перешагнуло узкие границы психологии и распространяется ныне на ряд микроэкономических теорий, например фирмы, организационного и потребительского поведения, принятия управленческих решений и т. п. [5. С. 77].

В рамках современных социально-экономических исследований в качестве основы для объяснения механизмов социально-экономической и политико-правовой самоорганизации общества используется новое понятие – «институциональная матрица», развиваемое новосибирской школой неинституционализма [6]. В самом общем виде матрица означает основу, схему, некую исходную, первичную модель, форму, порождающую дальнейшие репродукции чего-либо.

С позиций системного анализа С.Г. Кирдина определяет институциональную матрицу как «устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической»; она есть архетипическая, триединая социальная форма, система экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии в определенном пространстве-времени [6. С. 24]. Понятие институциональной матрицы некоторыми отечественными исследователями кладется в основание механизмов пространственной самоорганизации региональных социально-экономических систем [7. С. 117].

По нашему мнению, институциональные матрицы соответствуют категориям «внутренняя форма», «гештальт» в вышеописанном смысле динамической целостности, определяющей свойства и поведение частей. Более того, понятие институциональной матрицы дополняет и конкретизирует содержание категорий, но не отменяет их. Поэтому матричный институциональный анализ систем мы относим к разновидности морфологического подхода.

Институциональная матрица лежит в основе меняющихся эмпирических состояний конкретного общества, постоянно воспроизводится на различных пространственных уровнях и определяет границы трансформаций. Образующие ее базовые институты представляют со-

бой внутреннюю структуру, стягивающую основные подсистемы в целостное образование, которые и не позволяют обществу деградировать. Иначе говоря, институциональная матрица – это внутренняя форма социальной интеграции, ее гештальт, воспроизводственное ядро основных сфер жизнедеятельности социума – экономической, политической, идеологической, отражающих три ипостаси, три основные грани определенного типа общества [6].

Логически морфологический анализ социума, его экономики, политики и идеологии занимает место категории «особенное» в противоположности холизма (доминирование категории «общее») и индивидуализма (доминирование категории «единичное»). Принцип морфологии системы (институциональных матриц, внутренней формы или гештальта) опосредствует противоположности принципов общего и единичного в развитии экономической теории.

Методология экономического морфологизма дополняет указанные принципы формирования теории; они (принципы) пронизывают всю историю экономической мысли и называются методологическим холизмом и методологическим индивидуализмом. Их противоположность связывается с различным пониманием роли нормативных (этико-религиозных, политико-правовых, философских) и позитивных элементов науки. Например, способ проникновения этической проблематики в экономическую науку и методология последней не являются однозначно взаимосвязанными. Тем не менее холизм, как правило, предполагает нормативную ориентацию теории, а методологический индивидуализм является методологией «этически нейтральных» (или допускающих присутствие этических элементов только на уровне отдельного человека) концепций [8. С. 15].

Исторически исходным методом экономического анализа был холизм, причем нормативная направленность экономических рассуждений выражалась совершенно определенно. Столетиями хозяйственные процессы рассматривались через призму справедливости. Так, единственной экономической проблемой средневековых трактатов выступала проблема «справедливой цены». Проблема богатства рассматривалась, скорее, как проблема его справедливого распределения, нежели роста [8. С. 16].

Идея справедливости довлела над экономической мыслью Средневековья. В Европе на

протяжении многих веков хозяйственная деятельность была лишена морального оправдания, поэтому значение богатства как самостоятельной ценности отрицалось. Символ веры христианства требовал известной отстраненности не только от богатства как такового, но и от устремленности к мирским благам вообще. К материальному труду христианская церковь относилась отнюдь не как к деятельности, воплощающей божественное начало. И в то же время именно христианство, хотя и не без влияния других религий (например, иудаизма), способствовало утверждению в сознании людей идеи свободы человеческой личности и тем самым приоткрыло дорогу личностному индивидуалистическому мироощущению.

«Мы знаем, – писал в свое время С.Н. Булгаков, – что в истории христианства равновесие между полюсами в отношении к миру колебалось – с наклоном то в сторону мироотреченности, то в сторону обмирщения, как это и естественно и, по человеческому несовершенству, даже неизбежно. Тем не менее остается неизблемым, что христианство освободило и реабилитировало всякий труд, в особенности хозяйственный, и оно вложило в него новую душу. В нем родился новый хозяйственный человек, с новой мотивацией труда. Эта мотивация носит в себе черты соединения мироотреченности и миропрятия в этике хозяйственного аскетизма, причем именно это соединение противоположностей в напряженности своей и дает наибольшую энергию аскетического, религиозно-мотивированного труда. Этот свободный аскетический труд есть та духовно-хозяйственная сила, которой утверждены фундамент всей европейской культуры. Известно, какую роль в Европе при заселении и возделывании лесных и болотистых пространств ее играли монастыри как хозяйственные центры, одновременно средоточия и духовной и хозяйственной энергии. Идеалистический характер хозяйственного труда, столь отличающийся от проповедуемого ныне звериного эгоизма классовой борьбы, явился и могущественным фактором хозяйственного развития. В аскетическом труде таится антиномия, вытекающая из общего отношения христианства к миру. На пути его возможна победа аскетизма, выражающегося в стремлении уйти от мира и преодолеть его; в стремлении к нестяжанию и добровольной бедности оно составляет душу и всякого монашества. И вопреки этому, возможна

победа хозяйственного эгоизма, который ведет к обмирщению. Отсюда зародился и новейший хозяйственный человек *economic man* с упрощенной и стертой психологией хозяйственного эгоиста» [9. С. 313-314]. С момента первоначального накопления капитала в Европе и до настоящего времени богатство обладает полной моральной легитимацией в обществе, а христианская заповедь бедности стала рассматриваться скорее как нравственная *tabu*, а не как нечто определяющее повседневную жизнь. Возможно, в этом разделении уже была заложена та двойственность экономической науки, которую пытались преодолеть А. Смит, К. Маркс, П.Ж. Прудон, С. Булгаков, Дж.М. Кейнс.

По нашему мнению, институциональные матрицы многообразны; они не сводятся к одному типу; по логико-гносеологическим и теоретическим характеристикам являются абстрактными объектами, так как отображают (моделируют) определенный уровень сущности общества; в реальности институциональным матрицам соответствуют особые социальные целостности: элиты, поколения, а также группы политико-экономического (финансово-промышленные группы, транснациональные корпорации, олигархи и бюрократия), военно-экономического (группы военно-промышленного комплекса) и социально-экономического характера (например, семья или организованное преступное сообщество криминальной «теневой экономики»).

Выделение общих свойств институциональных матриц как некоторого множества понятий, обладающих категориальным тождеством, например предельно общим свойством порождать комплементарные институты, то есть внутренне согласованные и взаимозависимые правила, нормы и установки поведения и мышления как отдельного человека, так и социальных групп и общностей, не противоречит анализу их различий и специфики. Речь может идти об институциональных матрицах индивидуального и общественного богатства и порожденных ими институтах. Имеет смысл исследовать именно институциональные матрицы (во множественном числе) различных обществ, а также одного и того же общества, но на разных этапах его развития или «бесцельных флуктуаций», каким видел движение истории П. Сорокин.

Как представлено в работах О.Э. Бессоновой, С.Г. Кирдиной, Р. Саливана, Н.М. Сурни-

ной, институциональные матрицы обладают характерным набором свойств; среди них можно выделить:

1. Симметричность. Означает, что институтам рыночной экономики в западных институциональных матрицах соответствуют институты раздаточной (редистрибутивной) экономики в восточных матрицах. Институтам федерации, характерным для западной политической сферы, соответствуют институты унитарно-централизованного политического устройства в странах с восточной матрицей. Соответственно базовому общественному идеологическому институту западных стран – идее субсидиарности – соответствует в странах с восточной матрицей идея коммюнитарности, или соборности.

2. Комплементарность. Предполагает однозначное взаимное соответствие экономических, политических и идеологических институтов в каждой матрице, подходящих друг к другу как «ключ к замку». Комплементарность базовых институтов в каждой институциональной матрице означает также, что лишь все вместе они объясняют природу и трансформации того или иного социума, в то время как каждый в отдельности – лишь некоторые феномены.

3. Доминантность. В конкретном обществе базовые институты, характерные для его институциональной матрицы, доминируют над альтернативными институтами, которые носят вспомогательный характер, обеспечивая устойчивость институциональной среды в той или иной сфере общества. Основная цель дополняющих институтов – содействовать более эффективному действию основных, что обуславливает характер их взаимосвязей, обеспечивающих (во взаимодействии с базовыми институтами) сбалансированное развитие той или иной общественной сферы. Доминантность и дополнительность институтов требуют целенаправленных усилий со стороны социальных субъектов. Без таких усилий стихийный характер действия базовых институтов может привести общество в состояние кризиса. Сознательное, регулируемое встраивание альтернативных институтов и соответствующих им институциональных форм в общественную жизнь объясняет известные примеры быстрого экономического роста и устойчивости социально-экономических систем.

4. Инвариантность – историческая устойчивость по отношению как к внешним воздействиям, так и к действиям социальных сил внутри страны. Не отрицая эволюцию институцио-

нальных форм, инвариантность означает сохранение природы институциональной матрицы. Ее устойчивость определяет русло эволюции конкретных социумов, задает общее направление траектории социальных изменений, образуя комплементарные циклы. Инвариантность представляет собой фундаментальное свойство институциональных матриц, определяющее их специфику и значение.

Особое влияние на формирование институциональных матриц оказывают исторические факторы духовного порядка, которые отражаются в религиозных ценностях. Таковы субсидиарность и соборность как христианские ценности, разделяющие западноевропейский и евразийский (восточный) менталитет на два социокультурных типа: католический и православный. Отсюда, на наш взгляд, можно вывести два основных вида институциональной матрицы, обладающих общими (1-4) свойствами и способных породить институты и технологии формирования индивидуального и общественного богатства. Для краткости назовем их субсидиарной и соборной матрицами. Следовательно, институты, выводимые из этих матриц, влияют на экономическую, идеологическую и политическую сферы общества, например, в России или США. В реальности жизненного мира человека обоим типам институциональной матрицы соответствует такой объект, как экономический разум, включающий в свою структуру, кроме специфических институтов, нормы рациональности и категории экономического мышления хозяйствующих субъектов на всех уровнях организации экономики. Институты экономического разума (ЭР) составляют правила целеполагания, эмпатии, доверия и обучения, нормы рациональности (феномен сознания, наблюдение, интенциональность, жизненный мир, вещный континуум действия, принцип дополнительности, операциональная репрезентация идеального образа реальности) и категории экономического мышления (рефлексия, выбор, внимание, ожидание, понимание).

Категория «экономический разум» обозначает, с одной стороны, жизненное, практическое мышление субъектов хозяйственной жизни, а с другой стороны – продуктивную способность целеполагания, контроля и управления достижением целей. Еще с философии Аристотеля известно, что природа вещи наиболее полно отображается в целях, то есть в том,

ради чего она (вещь) существует. Поэтому ЭР следует подразделять на субсидиарный и соборный (коммунитарный) типы, которые отображают глубочайшую сущность западной и восточной духовности; последние как магнитные полюса формируют траекторию социальной, политической, экономической жизни общества и человека. Термин «субсидиарность» был введен в оборот папой Пием XI в 1931 году для обозначения фундаментального, как он полагал, принципа католической социальной доктрины. Субсидиарность обосновывает дополнительность всех общественных структур к главной детерминанте общественного развития – личности и обозначает безусловный приоритет личности по отношению ко всем светским и церковным организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которой является. Термин получил широкое распространение в различных областях социальной и экономической жизни в силу адекватности базового принципа западного общества типичной форме интеграции его общественной жизни.

Коммунитарность, или соборность, напротив, указывает на преобладание общества, социальных коллективов, церкви и даже государства перед личностью, что характерно для восточной матрицы. Так, главный элемент христианской идеологии (спасение) в православии трактуется как акт коллективной воли, как соборность (все вместе люди единственно и составляют истину спасения во Христе).

Социально-экономические аспекты соборности анализировал в своих работах С. Булгаков: «Конечно, православная соборность не есть демократия, однако отсутствие здесь «князей церкви», с церковным монархом – папой во главе, делает его более народным, благоприятствующим духу экономической демократии. Достоевский говорил иногда: православие есть наш русский социализм. Он хотел этим сказать, что в нем содержится вдохновение любви и социального равенства, которое отсутствует в безбожном социализме. Православие в истории было не только царским, но и крестьянским. Теперь, перестав быть первым, но оставаясь вторым, оно все ближе становится рабочему классу. Что касается собственно социализма, то, конечно, православие (впрочем, вместе со всем христианством) непримиримо относится к безбожию в социализме, которое составляет как бы его религию. Эта связь социализма с антихристианским человекободием представляет факт современности, имеющий свои духовные и исторические причины. Это есть искушение хлебами, ради которых человечество отказывается от Христа и исповедует, что единым хлебом живет человек (экономический материализм)» [9. С. 323-324]. Поэтому определенная субсидиарная или соборная матрица специфицирует, прежде всего через стили жизни, акме и менталитет поколений, экономические институты, которые затем увязываются в спонтанном человеческом поведении с технологиями производства, распределения и роста богатства в «хороший» или «плохой» гештальт.

Список использованной литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 2. М., 1971.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М., 1993.
3. Ярошевский М.Г. История психологии. 2-е перераб. изд. М., 1976.
4. Hegel W.F. Phänomenologie des Geistes. Akademie-Verlag-Berlin, GmbH, 1967.
5. Махлуп Ф. Теории фирмы: маржиналистские, бихевиористские и управленческие // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы. Под ред. В.М. Гальперина. Спб., 1999.
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
7. Сурнина Н.М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики. Екатеринбург, 2003.
8. Макашева Н. Этика и экономическая теория // Общественные науки и современность. 1992. № 3.
9. Булгаков С.Н. Православие. М., 2003.